

ПОГЛЯДИ ВОКРУГ

М. Усов

Рисунки Х. БАЛАШОВА

МИЧУРИНКА»

ри слове

«мичуринка» встает передо мной крупная красная ягода — малина. Каждая словно сложена из меньших ягодок, как деревянный игрушечный домик из кубиков. Только вместо плотной древесины в ягоде сладкая мякоть, чудесный красный сок. Сахарный с кислинкой.

Где я только не встречал малину! Во дворах и палисадниках — по кустику, по два и по десятку. В колхозных и совхозных садах — обширные ягодники, по гектару и больше. Полазил в горах Кавказа и там, по ущельям, где пробегают ручьи, и по крутым склонам, заросшим лесом, обнаружил любимую ягоду. Пришлось побывать в сибирских лесах —

тайге, и опять-таки встретил малину.

Увижу любимицу — и обрадуюсь. Скажу ли что при этом или не скажу, только станет мне очень хорошо.

Повел меня приятель в свой сад. Показывает яблони, груши, черешни, черносливы, абрикосы... А за этими плодовыми деревьями, в самом уголке сада, вдоль каменной ограды, вижу знакомые кусты.

Обрадовался, гляжу, улыбаюсь.

Приятель не поймет, чего это я разулыбался. А я рукой тычу на малину: «И у тебя, говорю, эта ягода!» Понял тогда приятель, что меня так обрадовало: «Мичуринка, — с гордостью объясняет. — Иван Владимирович Мичурин этот сорт малины вывел. Полюбуйся, какая!»

Нигде я не встречал таких крупных ягод. Побольше любой вишни или черешни, налитые

красным соком, они красовались на колючих кустах.

Не один раз забегал я в сад. И всегда меня тянуло в знакомый угол, к каменной ограде.

А потом я уехал. Вернулся много времени спустя.

Выпал первый снежок. Запорошил землю, подбелил сады, крыши. Мороз застеклил тонким ледком лужи.

«Что теперь делать в саду? — подумал я. И всё-таки завернул к приятелю.

Издали вижу — залепило кусты снегом. Лист у них не опал.

Подхожу — и глазам своим не верю. Присыпанные снежком краснеют, словно среди лета, крупные ягоды. Сорвал одну — твердая, как голыш. Сдул снежинки, а ягоду в рот. Оттаяла — чувствую

прежнюю приятную
сладость с кислинкой.

Рву ягодку за ягодкой.
Сначала подряд, а затем
выбираю покрупнее.
Пригоршню набрал.
Ладони холодно, пальцы
коченеют. Ягоды
постукивают, как начал я
их пересыпать с ладони на
ладонь. Мороз насквозь
проморозил.

Вот такая малина
«мичуринка», до зимы
угощает людей вкусными
ягодками!

СТЕПЬ В ЧЕМОДАНЧИКЕ

одошел я
к лотку с
булочка
ми. Взял
у
продавщицы пару. Открыл
чемоданчик, чтобы
уложить купленное.

— Откуда такой
запах?— с удивлением
сказала продавщица,
оглядываясь и глубоко
дыша.— Степью пахнет,
дикими травами. И где —
на улице. Ой же, как
пахнет! А откуда — не
пойму.

Пришла моя очередь
удивляться. Но глянул я в
чемоданчик и всё понял. В
кармашке его торчали
засохшие пучки горькой
полыни, душистого
чабреца. Я их сорвал
весной.

Степь я носил с собой, в
чемоданчике.

СНЕЖНАЯ РАДУГА

феврале
выпало

много снегу. Глядишь —
опять подсыпает. А тут и
задул ветер. Час от часу
сильней. Скрежещут
обледенелые ветви,
громыхают железные
крыши. Гудит — ни дать
ни взять летят над
головами невидимые
поезда.

Снег словно ждал этого
бешеного ветра. То лежал
белыми сугробами,
громоздился кучами вдоль
тротуаров, а теперь
вскинулся колючими
смерчами, понесся
белесыми потоками.

Солнце проглядывало
желтым пятном сквозь
толщу мельчайшей
снежной пыли.

Весь запорошенный
снегом, я направлялся
домой. Уже возле калитки
приоткрыл веки — и
остановился пораженный.
В небе сияла радуга! Да
радуга ли это? Время не
для радуг — февраль.
Снежный буран бушует
над Ставрополем. Даже
вороны укрылись в лес от
непогоды.

Рассуждаю, а глаз не
могу отвести от чуда.
Среди мятущихся
снежинок, поднятых
ветром до небес, нежно
проступает радуга. Краски
ее не яркие, они не горят
кумачом, не блещут на
небе. А всё-таки это
радуга. Снежная радуга.

СНЕЖИНКИ НА ЦВЕТАХ

ного ли
кизилу надо:
день-другой
тепла, и

раскрылись желтые
цветочки.

Откуда ни возьмись —
тучи. Затянуло небо.
Замелькали в воздухе
снежинки. Дальше —
больше. Забелела земля.
Только дороги чернеют.

Глянул на кизил, а в
любом желтом цветочке
белые снежинки.

Затревожился я — ведь
замерзнут цветы, опадут
без пользы.

Ночью проснусь —
опять кизил вспоминается.
А помочь цветам не могу.
«Пропадут» — думаю.

Утром выбегаю —
желтые чашечки по-
прежнему усеяны
снежинками. Когда
солнышко пригрело —
снежинки растаяли.

Через неделю проверил
кизил, там, где были
цветы, образовалась завязь.

После этого еще
больше полюбился мне
кизил. Ведь какой
жизнелюб! Его морозом
прихватило, цветы
присыпало снежком, а он
жив-здоров.

Молодец! Сумел
постоять за себя, и, не
спасовал перед непогодой.
С уважением протягиваю
руку, трясую кизилевую
ветку: «Рад, говорю,
знакомству с вами!»

ПОЮЩИЙ СТРУЧОК

ного раз
проходил я
по этой
дороге,
возвращаясь
с прогулки
на Комсомольские пруды.
Всё знакомо, видано-

перевидано. Чего бы тут ожидать? Каких открытий?

Занятый своими мыслями, бреду не спеша. Сильный ветер толкает в спину, путает волосы, захлестывает ими глаза. Эх, жаль — не взял фуражки! То и дело придерживаю волосы рукой, всей пятерней.

Подхожу к городской окраине.

Откуда-то донесся протяжный звук.

Насторожился, прислушиваюсь.

Снова, усиливаясь с порывами ветра, зазвучала странная мелодия. Протяжно запели невидимые струны.

Что за музыка? Кто музыкант?

Все остальные мысли рассеялись. Я занят поисками музыканта. Но тщетны мои усилия. Только деревья да каменную ограду вижу.

А музыка не утихает — музыкант поблизости, рядом. Но где же, где он? В недоумении озираюсь.

Вновь с жалобным стоном пронесся ветер, набрасываясь на высокие деревья, с силой раскачивая гибкие ветви. Это — колючая акация. Острыми шипами унизаны стволы и сучья, — к ним не подступиться. Еще ни один листок не трепещет на голых ветвях. Акации выглядят по-зимнему, безжизненно.

— Зззззз! — запело вверху.

— Шшш! — вторил ветер.

— Зззззз!

Вижу — отчаянно мотаются на гибких сучьях длинные черно-коричневые стручки, рвет их ветер.

Подхожу ближе, стою под деревьями.

Вот оно что — музыкант нашелся, наконец. Это поют стручки. Вызревшие, сухие, по-своему встречая весеннюю теплынь, они трескаются вдоль, как по шву. Неутихающий ветер с силой рвет их, врывается в трещины.

— Зззззз!

Поднимаю с земли сорванные ветром стручки. Через трещины видны черные семена.

Их ждет прогретая солнцем земля.

ДРЕВЕСНЫЕ СОКИ

рохожу по узкой тропке. Лес еще прозрачный, а по нему уже пробивается первая зелень.

Прямо передо мной вспыхнула какая-то белая капелюшка. Она сияла, переливалась, как драгоценный камешек всеми своими гранями.

Остановился — глаз не могу отвести от сверкающей капелюшки. Цвет ее неуловимо менялся: от ослепительно белого переходил к красному, изумрудно-зеленому, и снова сверкала она белыми лучами.

Боюсь сдвинуться с места — долго ли потерять лесную находку! Так и вышло: сделал шаг

— капелюшка растворилась среди ветвей. Жалея о потере, осторожно подхожу к кусту. Осматриваю его. Куда же она запропастилась, эта капелюшка?

Затронул неловким движением веточку — с нее сорвалась капелюшка, прочертила светлую черточку к земле. У меня дух захватило: пропала находка!

Там, где была капля, бессильно склонилась надломленная веточка. Тонкая серая кожица с зеленой прокладкой повреждена, проглядывает белая древесина. Это — ранка. Человек ли, зверь ли сломал тонюсенькую веточку. Слегка прикасаюсь языком к ранке. Всем своим существом почувствовал родниковую древесную прохладу, освежающую силу весеннего сока.

Это из пробужденной от зимнего оцепенения почвы двигались вверх по дереву живительные соки — древесная кровь.

КАК КИЗИЛ ПОХОРОШЕЛ

орявый и неказистый с виду, этот куст не привлекал внимания. Скользнешь по нему взглядом — и всё, словно перед тобой пустое место.

После теплого дня иду снова мимо куста и

остановился изумленный: веточки кизила унизаны неяркими желтыми цветами. Всё во мне дрогнуло. Я смотрел на знакомый куст и не мог наглядеться: как помолодел, как похорошел кизил. Куда девалась его невзрачность! Передо мной, изливая тихий желтый свет, стояло весеннее чудо.

Так и среди людей. Ничем не примечательна девчонка, неказиста, с угловатыми резкими движениями. Глядеть-то не на что. А придет время — встретишься с девушкой — и глаза от нее не отведешь. Вот оно, человеческое чудо! Вот она, красота!

ГЛИНЯНОЕ ГНЕЗДЫШКО

олевой стан — это усадьба колхозной или тракторной бригады. Уютной, обжитой выглядит степь от людского жилья.

Заходим в одну хату, благо двери настежь.

Щебетание ласточек привлекло моё внимание. Ловко скользя в воздухе, пара ласточек то и дело залетает и вылетает через открытую дверь. Никакого страха незаметно в поведении птиц, они здесь чувствуют себя, как дома.

Подумал я так и увидел над головой глиняное гнездышко, прилепленное

к балке перекрытия. Оттуда выглядывают маленькие черные головки.

Подними руку — достанешь гнездо. Но никто из колхозников не трогает птенцов. Часто в хату забегают ребята. У иного палка или кнут в руке. Но никому и в голову не приходит ударить по гнезду.

Народный обычай оберегает ласточек. Хороший обычай! У большого народа большое доброе сердце.

КУРЫ НА ПАШНЕ

есто курицы на птичнике. Кто об этом не знает? На пашне хозяйничают грачи.

Художники всегда так рисовали — пахарь с сивкой-буркой или тракторист на тракторе пашут землю, а следом грачи — одни летят, другие среди влажных комьев склевывают личинок, подбирают всякую всячину. Это повелось с незапамятных времен: где пахарь, там и грач.

А тут вышло совсем не так. На поле движется трактор с прицепленными плугами, широкая черная полоса стелется за гудящей машиной. Но вовсе не грачи, а белые колхозные куры наперегонки спешат за трактором. Самые бойкие выхватывают жирных личинок и червей прямо из-под плуга. Курам

некогда глазеть по сторонам, — всё внимание их приковано к пашне. Уж на что они охотницы поскрести землю лапками, а здесь, вижу, не до этого им. Бегут, обгоняют друг дружку, не отстают от машины.

Иная увлечется лакомой добычей, приотстанет чуть, а потом спохватится, как надаст ходу и крыльями взмахивает, подгоняет себя.

Весело смотреть на кур, бегущих за трактором. Белыми мячиками перекатываются они по вспаханному полю. Ни одну минуту не стоят на месте, бойко, с подскоком торопятся за трактором.

Где же грачам поспеть за колхозными курами!

КОГДА ЖАВОРОНКИ ПОЮТ ДНЕМ И НОЧЬЮ

ришлось заночевать нам в овцеводческом совхозе «Красный Маныч».

Устроились в кузове грузовой автомашины, на сене.

Гостиница получилась хоть куда. Майское сено мягче перины. Не форточка, а целая степь посылает чистый воздух.

Заснул я: дорога длинная, а майский день, что летний, — велик, мало что остается для ночи.

Сколько спал — не знаю, только еще глаз не открыл, а слышу: поют жаворонки.

«Утро!— всполошился я.— Проспали». И от такой мысли сразу глаза открылись.

А зари нет. Светит месяц. Поглядел на часы — полночь. Самое глухое время, когда всё предается сну. Но сейчас — где это глухое время? От полночного безмолвия ничего не осталось. В звездном небе трели жаворонков. Один звенит высоко над нами. Его песня звучит непрерывно, льется, как родниковая вода по камешкам. Журчит, переливается. А рядышком и чуть дальше опять поют жаворонки. Вдалеке их голоса сливаются, образуя слитный хор.

Я не могу один слушать такое великолепие, такое прославление жизни и бужу моих спутников: — Вставайте, слушайте!

деревца. От ближнего, в трех шагах от меня, до самого крайнего, в далеком конце сада, они окрашены в нежнейший алый цвет.

Откуда ни возьмись — синичка. Звонкая короткая ее песенка отдалась во всех концах сада. А синичка слетела на землю, энергичным движением круглой головки и всего маленького тельца начала выдергивать из земли обнаженные волоски каких-то корешков. Набрал их пучок, она взвилась в воздух и полетела между деревьями.

«Готовит гнездо», — подумал я.

Проводил синичку взглядом, а когда перевел глаза на вишенки, они уже выглядели как всегда, без ранней апрельской зари.

АПРЕЛЬСКАЯ РАНЬ

Еще нет пяти часов утра. Красная окаемка на востоке становится гуще, наливаясь, как спелая ягода, поднимается всё выше. Полнеба охвачено алым сиянием, этим сиянием пронизан прохладный воздух, и вишенки в саду, застигнутые утренним светом, словно покраснели от смущения.

Не отводя глаз, смотрю на преображенные